

УДК 101.1:316.462

ВОСПРОИЗВОДСТВО ВЛАСТИ: К ВОПРОСУ О СИМВОЛИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ

Д.В. Чайковский

Томский политехнический университет

E-mail: dnvit@tpu.ru

В основе воспроизводства власти лежит символический капитал, рассматриваемый в данной статье как значение определенной группы символов, указывающих на наличие власти и формирующих представление о ее легитимности. Отмечается символический характер легитимации. Анализируются процесс присвоения символического капитала и механизм создания собственного символического универсума власти.

Ключевые слова:

Власть, символический капитал, символический универсум, легитимность, символ, значение, П. Бурдьё.

Key words:

Power, symbolical capital, symbolical universum, legitimacy, symbol, meaning, P. Bourdieu.

На каждом витке своего жизненного цикла власть вынуждена обеспечивать свою самоидентификацию через отбор тех событий реальности, которые наделяют власть ценностью и образуют ее единство. Она самовоспроизводится, конкретизируя себя в терминах настоящего, прошлого и будущего. Бесконечный спектр возможностей для действительности власти реализуется в ее прошлом как выбор, того, чем власть является в настоящем. Прошлые власти есть предпосылки ее возникновения. Это ресурсы и накопленный потенциал, обеспечивающий признание власти. Это капитал власти, в терминологии П. Бурдьё, обновляемый на каждом этапе ее существования.

Напомним, что социальная реальность, по мнению П. Бурдьё, есть пространство позиций, связи между которыми объективируются в виде полей, к которым относятся экономическое, культурное, интеллектуальное, политическое и др. поля. Поле — это «исторически сложившееся пространство игры со специфическими, свойственными только данному пространству, интересами, целями и ставками, с собственными законами функционирования» [1. С. 10]. Структура полей определяется структурой распределения соответствующего капитала: экономического (финансы, средства производства, недвижимость), политического (сегмент электората, количество мест в парламенте), культурного (дипломы, звания, степени), социального (связи, знакомства) и пр. Наличный капитал, в свою очередь, выступает как средство и цель борьбы. Борьба ведется в соответствии с правилами поля и за возможность установления этих правил. Другими словами, капитал детерминирует возможность получения власти в том или ином поле и, соответственно, предполагаемых ею прибылей. Как пишет П. Бурдьё, «отдельные виды капитала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле» [2].

Сам процесс накопления капитала и сопутствующая ему борьба зависят от специфики конкретного поля и рассматривается П. Бурдьё в соответствующих работах. Но у П. Бурдьё экономический, социальный или культурный капитал не

только «объективно» принадлежит конкретной позиции социального поля, но также воспринимается агентами и интерпретируется ими соответствующим образом. Это позволяет П. Бурдьё говорить о существовании особого вида капитала — символического, который обычно ассоциируется с такими понятиями как авторитет, репутация, доброе имя и т. д. Другими словами, «становление» власти сопровождается преобразованием различных видов капитала власти в символический капитал, который есть «не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим критериям восприятия» [3]. Происходит узнавание власти, появляется эмоциональная и (или) интеллектуальная вера в эту власть.

Символический капитал — это всякий капитал, который имеет символическую форму выражения. Эта форма-символ воспринимается другими агентами через определенную концепцию, предполагающую значимость капитала и его конкретную ценность в глазах интерпретирующего субъекта. По сути, символический капитал есть воплощение существующей в обществе системы отличий. Не зря П. Бурдьё подчеркивает, что символический капитал — это другое имя различия [2].

Ценность капитала в своей основе, прежде всего, имеет мотивы власти. Капитал ценен не сам по себе, а в его соотнесенности с теми потенциальными возможностями, которые он предоставляет для осуществления властного влияния. Ассоциированность капитала с властью (с возможностью власти) делает его привлекательным и соответственно позиционирует его в качестве значимого в системе ценностей других агентов. Другими словами «символический капитал» есть значение, присущее определенной группе символов, интерпретируемых в качестве значимых. Ими являются, например, дворянские титулы, звания или должности в современной бюрократической иерархии. Надеясь эти символы значением «символический капитал», мы применяем их к определенным социальным отношениям — возможность господства одного агента над другим, и признаем определенные

свойства этих отношений — право (легитимность) этого господства.

Легитимация по своей природе носит символический характер. Так, Т. Лукман и П. Бергер, видящие в легитимации необходимый процесс конструирования общества как объективной реальности, отмечали, что она представляет собой смысловую объективацию «второго порядка» — объективацию в смысле сигнификации, то есть означивания неких событий, явлений, процессов [4. С. 151–160]. В этом плане она призвана создавать новые знаки символы, а через них и новые представления. Символы настолько отделены от ситуации «здесь-и-сейчас», что образуют свои миры и накладывают на повседневность иную реальность. Т. Лукман и П. Бергер именуют эти миры символическими универсумами и понимают их как матрицу всех социально объективированных и субъективно реальных значений [4. С. 158]. Это предельно широкое пространство смысловой интеграции, в рамках которого может быть познан любой человеческий опыт.

С этой точки зрения, символизация капитала, его «перемещение» в символический универсум придает его обладателю «абсолютный» вес в глазах окружающих и позволяет его власти не зависеть от индивидуального опыта. Не зря П. Бурдьё подчеркивал, что символический капитал есть просто другое обозначение того, что Макс Вебер называл харизмой [5. С. 280]. Присваивая капитал, наделенный символическими свойствами, или символизируя присвоенный капитал, власть обеспечивает свою легитимацию.

Подобное накопление (присвоение) может принимать различные формы. Так на индивидуальном уровне, который соответствует традиционным обществам, символический капитал (например, такая его разновидность как личный авторитет) формируется и поддерживается практически действиями, которые соответствуют внутригрупповым ценностям. Великие, по словам П. Бурдьё, «должны оплачивать свою повышенную ценность повышенным соответствием ценностям группы» [5. С. 256]. Символический капитал это некий задаток, которым группа ссужает того, кто ей предоставляет соответствующие гарантии. Основания их господства крайне зыбки, поэтому обладатели авторитета обязаны перманентно трудиться для воспроизводства своего символического капитала. Все поступки лидера должны подтверждать его право доминировать. Он вынужден демонстрировать свои материально-символические гарантии группе, даже в ущерб своим экономическим интересам, поэтому многие материальные атрибуты власти лишены функционального смысла, но ценны в качестве презентационных доказательств ее обладания. Чтобы символический капитал сам способствовал своему воспроизводству, он должен демонстрировать, презентовать себя окружению через понятную ей систему символов. Публично и открыто утверждая себя, власть легитимно самоутверждается и официализируется.

П. Бурдьё называет это «властью добиваться признания власти».

В современном обществе присвоение символического капитала реализуется на коллективном уровне, воплощенном в системах государственной бюрократии. Здесь его концентратом выступает государство. Соответственно система накопления символического капитала обусловлена его делегированием через государственные структуры. Символический капитал перестает быть личной принадлежностью, а приобретает официальный и институционально гарантированный характер. Исторически это сложилось со времен королевской власти. Консолидация в руках короля материальных и символических ресурсов давала ему возможность распределять символический капитал в виде щедрот, почестей, званий и назначений своим поданным. В результате то, что изначально было следствием общественного почета, то есть базировалось на негласном всеобщем признании, постепенно получило свою «квази-бюрократическую объективацию». Дворянские титулы, как символы потенциальной власти, стали не принадлежностью «крови» и «чести», а следствием распределения, осуществляемого королем, а в дальнейшем, иными «официальными» лицами, обладающих подобным правом.

Формирование бюрократического поля и, как следствие, бюрократической власти происходило посредством все большего разветвления системы делегирования ответственности и полномочий. «Государство (безличное) стало разменной монетой абсолютизма, а король — растворился в безличной сети долгого ряда доверителей и лиц, наделенных полномочиями, отвечающих перед вышестоящим лицом, от которого они получают свои полномочия и власть, но за которого они — в определенной мере — тоже несут ответственность» [6. С. 250–288]. В результате бюрократическое поле приобретает свой собственный символический капитал, свои символы власти, признаваемые как легитимные в силу их ассоциированности с государственными структурами. Официальное лицо способно отправлять власть, потому что ему эта власть была делегирована государством, потому что оно мыслится в обыденном сознании как «официальное лицо государства».

Благодаря государственным механизмам самовоспроизводства символического капитала система сама «увечивает» себя в структурах административного управления и бюрократии, конституируя иерархию власти. Вера окружения и соответственно повиновение обеспечиваются юридически закрепленными положениями в нормативно установленной иерархии статусов, жестко не связанных с личностью того, кто их занимает. Статусы-символы по умолчанию ранжируют распределение символического капитала в соответствующем поле. С момента официализации распределения символического капитала, его объективации в форме должностей, дипломов, титулов отношения власти устанавливаются уже не между конкретными личностями, взаимодействующими друг

с другом, а между институтами, регламентирующими подобное распределение и гарантирующими социальную ценность (следовательно и распределение материально-символического капитала) этих объективированных форм. Сама государственная власть есть концентрат всевозможных видов капитала, некий специфический метакapитал, дающий своему обладателю власть над частными видами капитала, полями, которые они образуют, и отношений напряжения существующих внутри и между этими полями. «Из этого следует, — пишет П. Бурдьё, — что формирование государства идет вместе с формированием поля власти, понимаемого как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его видов) борются именно за власть над государством, т. е. над государственным капиталом, дающим власть над различными видами капитала и над их воспроизводством» [7. С. 220–254].

Методология перманентного воспроизводства власти предполагает не только присвоение объектов (символов) уже исторически интерпретируемых в качестве символического капитала, но и непрерывную генерацию новых объектов, с последующим наделением их необходимым символическим значением, а также изменение символического значения существующих объектов в нужном ключе. Другими словами власть заинтересована в создании собственного символического универсума, в рамках которого будет сформирована необходимая власти концепция интерпретации соответствующего капитала как символов легитимной власти.

Позволим себе ряд уточняющих замечаний о природе символического. Нечто становится знаком (символом) объекта (события, условия) только если субъект воспринимает первое в качестве знака второго. Знак и обозначаемый им объект образуют пару, они состоят в отношении один к одному. Субъект, использующий эту пару, находится в отношении к этой паре как целому, и к каждой ее части в отдельности. При этом, как подчеркивает американский философ С. Лангер, для субъекта один член этой пары важнее, но менее доступнее, чем другой. Другими словами для субъекта более доступное, но менее интересное (знак), позволяет получить сведение о чем-то более значительном и менее доступном (объект). Именно это позволяет подразделять их на объект и знак.

Знак (символ) и объект образуют пару в следующих случаях. *Во-первых*, в случае подобия знака и объекта. Создатель семиотики Ч.С. Пирс именовал такие знаки иконическими. Типичным примером иконического знака является фотография. *Во-вторых*, если знак является следствием или причиной объекта, т. е. он указывает на наличие объекта в прошлом, настоящем или будущем. В этом случае он есть «означающий остаток той ситуации, отличительной чертой которой он является» [8. С. 54]. Например, дым есть знак более крупного события — пожара. Наконец, *в-третьих*,

если знак является таковым в силу традиции, конвенции или закона. Символы, являющиеся по преимуществу искусственными знаками, относятся к третьей группе.

Отличие символа от знака ярко проиллюстрировала С. Лангер. Символ не ставит действие в соответствие с наличием объекта, который он обозначает. По ее словам, символы «представляют не сами объекты, а являются носителями определенной концепции об объектах» [8. С. 57]. Они подразумевают некие понятия, а не конкретные предметы. Поэтому если знак предполагает действие и выступает средством его обозначения, то символ в первую очередь стимулирует мышление, он есть орудие мысли. С. Лангер подчеркивает, что фундаментальное различие между знаками и символами в различии их ассоциаций и, соответственно, в различии их применения субъектом; «знаки объявляют ему о своих объектах, тогда как символы заставляют его воспринимать свои объекты» [8. С. 58].

Стратегия власти по созданию собственного символического универсума предполагает формирование некой концепции, в рамках которой эти объекты будут наделены необходимым значением. Согласно С. Лангер значение есть не качество, а функция символа. Эта функция есть образец (модель), в котором символ соотносится с другими родственными терминами: субъектом, объектом и представлением. Основной функцией, характеризующей логическую составляющую значения, является денотация — сложное отношение имени к объекту, носящему это имя, то есть отношения между символом и тем объектом, который он призван обозначать. Соответственно механизм символизации предполагает необходимость интеграции в единое целое символа и обозначаемый им объект. Власть создает свои символы и ассоциирует их с необходимыми ей объектами, например, объявляя результаты успешной хозяйственной деятельности символом своей эффективности. Успех становится символом (символическим капиталом), сгенерированным властью и присвоенным ею для своего дальнейшего воспроизводства.

Психологическая составляющая значения предполагает, что для субъекта символ, относящийся к объекту, связан с тем представлением (понятием), которое подходит для объекта. Поэтому не менее значимой является функция коннотации, как отношение символа к его представлению. То есть коннотация — это представление, которое порождается в психологическом акте субъективного восприятия символа. Представление об объекте — изменяемый фактор. Оно индивидуально и зависит от множества факторов, в том числе и прошлого опыта, закрепленного в сознании конкретного агента (П. Бурдьё использовал бы здесь термин «габитус», который он раскрыл как «систему схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире» [3]).

В нашем случае результатом коннотации, прежде всего, должно выступать формирование представления о легитимности власти. Созданный символ только тогда может играть роль накапливаемого капитала, когда его возможные коннотации будут оправдывать правомерность существования действующей власти, формируя то, что С. Лангер именует термином «понятие». Понятие это то, что обычно должны содержать в себе все адекватные представления. Таким образом, символ передает определенное понятие. Но в результате восприятия оно наделяется индивидуальным представлением (субъективно символизируется). Как пишет С. Лангер, «именно форма, возникающая во всех версиях мысли или воображения, может обозначать в вопросе определенный объект, форма, которая для каждого отдельного ума одета в свои покровы ощущений» [8. С. 67]. Одно и то же понятие может найти воплощение во множестве представлений. Таким образом, создавая различные констелляции символов в общем символическом универсуме, власть наделяет их общим понятием своей легитимности, обеспечивая тем самым приращение своего символического капитала.

Формирование символического универсума, через который власть стремится осуществлять свое воспроизводства невозможно, если другие агенты не примут предложенную систему понятий. Поэтому данный процесс сопровождается непрерывной символической борьбой — борьбой за формирование и навязывание своего видения социального порядка. Исход противостояния напрямую зависит от уже имеющейся власти. «Исторический исход каждого столкновения определялся теми, кто лучше владел оружием, а не аргументами... На чьей стороне больше силы, у того больше шансов для определений реальности» — пишут Т. Лукман и П. Бергер [4. С. 178].

Действительно участники символической борьбы используют уже имеющийся в их распоряжении символический капитал, для сохранения или изменения существующего порядка, соответственно сохраняя или меняя схемы его восприятия. Победитель прошлых битв получает больше возможностей производить понятия и смыслы, используя существующие (ранее им же созданные) системы

классификаций, категории, которые мы применяем к окружающим нас явлениям и процессам. «Авторитетно утверждая то, чем является некто или нечто на самом деле в соответствии с законным социальным определением — т. е. указывая, чем ему позволено быть, чем он (оно) имеет право быть, на какое социальное существование он вправе претендовать и чем заниматься...» [7. С. 220–254], он обретает монополию легитимной номинации — публичного права производить смысл, принимаемый остальными по негласному согласию в качестве истинного.

Соответственно попытки внушить окружающим свою точку зрения на видение социального мира тем вернее, чем больше ее автор уполномочен (персонально и институционально) на подобные высказывания. Официально уполномоченный агент, выражающий государственный взгляд на реальность, или делегированный группой отражать ее позицию, имеет больше прав на осуществление «легитимного символического насилия» чем лицо, выражающее частную позицию. Другими словами, чем больший объем символического капитала (как аффекторного, так и юридически гарантированного) уже принадлежит агенту, чем больше он известен и признан, тем он имеет больше возможности осуществлять последующую символизацию в своих интересах.

Итогом этой борьбы является становление системы понятий, усвоенных агентами, как на сознательном, так и бессознательном уровне. Особенно важно второе, так как признание легитимности не всегда является сознательным актом. Необходимо, чтобы сконструированные когнитивные структуры были интериоризированы, или, используя терминологию П. Бурдьё, инкорпорированы субъектами-агентами, реализующими социальные практики, в форме предзаданных ансамблей диспозиций восприятия. Соответственно понятия о легитимности должны быть включены в мир здравого смысла. Они должны стать доксои и в этой форме перейти с полюса власти на полюс всеобщей точки зрения.

Исследование выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шматко Н.А. Блеск и нищета масс-медиа // Бурдьё П. О телевидении и журналистике. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
2. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. 2011. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-genezis-klassov> (дата обращения: 16.04.2011).
3. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. 2011. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (дата обращения: 16.04.2011).
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
5. Бурдьё П. Практический смысл. — СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.
6. Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
7. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
8. Лангер С. Философия в новом ключе. — М.: Республика, 2000. — 287 с.

Поступила 18.04.2011 г.